

Уваров П.Ю.

Казус

Дюмулена

[Stable URL: <http://elar.uni Yar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3026>]

[Публикация работы:]

Уваров П.Ю. 1998: Казус Дюмулена // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1(3), 196-205.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

КАЗУС ДЮМУЛЕНА

Жизнь большинства французов XVI в. регулировалась нормами обычного права. Тем не менее право римское в этом столетии оказало огромное влияние на эволюцию «духа законов» французского общества. Одним из самых эффективных каналов этого влияния было редактирование местных кутюмов юристами. Однако соединение двух столь разных правовых систем не могло не порождать постоянные конфликты. В работе над подобными казусами юрисконсульты придавали французскому праву завидную гибкость.

Данная статья рассматривает один из таких казусов, особо интересный тем, что произошёл он с самим Шарлем Дюмуленом (1500–1566) – признанным корифеем юридической мысли французского ренессанса¹.

Он был юристом в пятом поколении, его предок Жан Дюмулен, королевский адвокат из бальяжа Мо, аноблировался ещё в 1391 г. Однако Шарль Дюмулен происходил из боковой ветви этого славного рода. Его отец, адвокат Парижского Шатле, не обладал солидными средствами, однако успел дать старшему сыну скромное, но основательное образование. Обычное университетское обучение (степень магистра искусств в Париже и доктора права в Орлеане) дополнилось штудированием канонического права в Пуатье. На престижное путешествие в итальянские университеты средств уже не хватило, но молодой юрист и без того получил солидные знания. После небольшой стажировки в Шатле Шарль Дюмулен с 1525 г. становится адвокатом Парижского парламента. Долгие годы он ежедневно посещал судебные заседания, общался с коллегами, обсуждая различные юридические тонкости. Через несколько лет он прослыл уже самым ученым среди юристов. Правда, младший современник и коллега Дюмулена дал ему оценку, обычно опускаемую его биографами: «Самый ученый из юрисконсультов был в то же время весьма слабым и неумелым адвокатом»². Помимо прочего практической карьере Дюмулена вредило его заикание. Один раз раздраженный президент Парламента Кристоф де Ту за это грубо оборвал его речь. На следующий день на дом к президенту явилась депутация коллегии адвокатов, потребовавшая извинений за то, что он оскорбил их всех, унизив их коллегу, обладающего такой ученостью, какой никогда не достичь самому де Ту³.

В 1529 г. умирает отец Дюмулена, Шарль остается старшим в семье, состоящей из его брата Ферри, также стремящегося получить юридическое образование, и трех сестер, старшая из которых уже поступила в монастырь. Большими земельными фондами семья уже давно не располагала. Ядро собственности составляла сеньория Миньо – старинное родовое гнездо, несколько не очень доходных земельных владений было разбросано в других провинциях. Некоторое время Шарль выполнял обязанности главы семьи и как-то распорядился хозяйством, затем, после 1531 г. полностью отказывается от прич-

¹ «Высочайший авторитет для всех юристов, интересовавшихся правом обычным, франкским, французским». См.: *Червоная Т.М.* Французская деревня по юридическим источникам XVI века. Саратов, 1992. С. 11.

² *Loysel A.* Le dialogue des avocats du Parlements de Paris // *Divers traités tirés des memoires de m. A. Loysel.* Paris, 1651. P. 82–83.

³ *Brodeau L.* La vie de maistre Chatles du Moulin. P., 1654. P. 28: «Мудрый и достойный президент, преисполненный доброты и человечности, принял правильное решение и на следующий день объявил, что погорячился, – продолжает биограф, – и с тех пор между ними установилась дружба». Эту пасхальную картину следует, однако, дополнить: в 1564 г., когда Дюмулена арестовали в Париже за составление трактата против Тридентского собора, вмешательство короля чудом спасло его от виселицы. На немедленной казни настаивал не кто иной, как Кристоф Де Ту. См.: *Thireau J.-L.* Charles du Moulin (1500–1556). Genève, 1980. P. 29.

такощегося ему наследственного имущества и дарит его своему брату, а затем еще раз подтверждает это дарение в 1535 г. Адвокат решает полностью посвятить себя ученым занятиям и избавиться от семейных хлопот.

Передав имущество брату, Дюмулен старался подражать жизни древних философов. Как только заканчивалось утреннее заседание суда, он спешил из Дворца Правосудия домой, чтобы работать в своем кабинете на общее благо. «Довольствуясь малым, он жил как школьник, лишая себя сладости публичных и частных бесед, дабы как можно больше трудиться, размышляя в одиночестве»⁴. Впоследствии он несколько раз отмечал, что отказывался от должностей и от предложений получать пенсию от какого-нибудь могущественного принца, опасаясь, что это отвлечет его от научных занятий и вынудит поступиться совестью, давать советы в плохих делах. Основным источником его существования были гонорары за консультации, с которыми к нему обращались парижские и, особенно, провинциальные юристы. Наконец в 1538 г. многолетний труд над комментариями к парижской кутюме увенчался успехом и была выпущена первая их часть. В посвящении Франциску I Дюмулен сообщает, что взял за образец Бозция и *посвятил всего себя систематическому перетолковыванию кутюмов с позиций римского права во имя Общего блага (Res publica)*⁵. В других своих трудах он сообщал, что любое развлечение или беседа воспринимались им как пустая трата времени, наносящая ущерб общему благу. Зато как он негодовал, когда на него пала разверстка 1538 г. – в связи с очередной угрозой Парижу со стороны императорских войск. Заставить платить того, кто расстался со своим добром, дабы полностью посвятил себя общественной пользе⁶!

Однако известность и даже слава не приносили богатства. Финансовые дела его были столь же расстроены, как и здоровье – от напряженного труда Дюмулен болел все чаще. И друзья стали советовать ему жениться. В своих комментариях к каноническому праву (на слово *Uxor*) он признается по поводу своих сомнений относительно женитьбы⁷. В том же 1538 г. он, вняв советам друзей, женился на Луизе де Бельдон, дочери королевского секретаря Палаты прошений. В другом своем трактате он объясняет, что он женился на ней «не из похоти и не из корысти, но для отдохновения и для сохранения домашнего очага и для досуга во время занятий»⁸.

Скромного приданого хватило, чтобы рассчитаться с долгами, сделанными за последние годы философско-отшельнической жизни. Мне даже удалось обнаружить несколько его актов о покупке (конституировании) рент⁹. Возможно, что именно эти операции послужили толчком к написанию двух трактатов о природе рент, работа над которыми началась в 1542 г. (*Tractatus de usuris, et Labyrinthus de eo quod interest*). В них ему удалось ответить на чрезвычайно важные вопросы современности. Некоторые историки полагают, что Дюмулен здесь первым подошел к новой концепции коммерческого кредита¹⁰.

До сих пор мы следовали за биографами, которые, в свою очередь, основывались на сведениях, почерпнутых из трудов самого Дюмулена. В своих юридических комментариях он часто приводил примеры из собственной жизни и склонен был рассказывать о себе

⁴ Он сам рассказывает об этом в своих предисловиях к комментариям к «Консультациям» Александра Тартаньи в изданиях 1550 и 1561 гг. См: *Annotationes super consultationes Alexandro [Tartagni] libri 7*.

⁵ *Consuetudines sive constitutiones almae Parisorum Urbis, atque ad eo totius Regni Franciae principales. Commentariis amplissimis... per D. Carolum Molinaum iureconsultum. Parisii, 1539.* Цит. по изд.: *Francforti, 1575*.

⁶ *Annotationes super consultationes Alexandro. lib. 7 cons. 214 § 2.*

⁷ Цит. по: *Brodeau L. La vie de m. Charles du Moulin. P., 1654. P. 17.*

⁸ *Non ad voluptatem et ad divitias sed ad restitutionem, et ad conservationem domus, et otii ad studia instauranda.* Цит по изд.: *Du Moulin Ch. Tractatus duo analytici... Prior de donationibus, vel confirmatis in contractu matrimonii... P., 1578. § 84, P. 36.* Точно теми же словами он объяснял и свой второй брак в 1558 г. См.: *Thireau J.-L. Op. cit. P. 46.*

⁹ AN. MC. VII-68, см., например, акты от 13.05. и 3.06.1540.

¹⁰ *Schnapper B. Les rentes au XVIe siècle: histoire d'un instrument de crédit. P., 1957.*

в предисловиях и посвящениях в начале своих книг. Далее биографы сообщают о том, что Шарль вступил в конфликт со своим братом, проявившим великую неблагодарность. Дело об отмене его дарения долгие годы разбиралось в Парламенте и наконец было решено в его пользу. Причем этот конфликт в качестве правового казуса вошел во многие юридические сборники периода Старого Порядка.

В нашем распоряжении оказались нотариальные акты, составленные самим Дюмуленом с целью отмены сделанных ранее дарений. 7 января 1550 г. в книге парижского суды – Шатле были зарегистрированы сразу два его акта¹¹. Согласно ордонансу в Виллер-Коттре (1539 г.), нотариальные акты, связанные с дарениями недвижимости, обретали полную юридическую силу лишь после регистрации их в судах первой инстанции.

В первом, датированном 29 июня 1547 г., он рассказывает о том, как еще в 1531 г. уступил своему брату Ферри Дюмулену сеньорию Миньо, в свое время подаренную ему их покойным отцом, а также все документы на владение родительским имуществом, доставшимся ему по наследству, ничего не оставив себе. Но между ними было договорено, что два других фьефа¹² будут резервированы для того, чтобы выдать замуж их сестру. Шарль поясняет, что «в то время он не имел ни малейшего намерения жениться и завести детей, но исключительно – *продолжать свои занятия, чтобы перетолковать и прокомментировать заново как кутюмы, так и гражданское право...* Но позже случилось так, что у указанного заявителя появились многочисленные родные и законные дети (*plusieurs enfans naturels et legitimes*). И если бы он мог это предвидеть, он никогда бы не стал действовать в ущерб своему потомству. К тому же после смерти своего отца он содержал брата в школах, сделал его лицензиатом права и на свои деньги ввел его в адвокатское звание. Более того, одну из своих сестер он поместил в монастырь, теперь же он собирается выдать замуж другую. Посему дарение, сделанное ранее брату Ферри, отменяется «по праву решения» (*en droict jugement*) и переадресуется ныне в пользу детей Шарля Дюмулена. От их лица акт подписала мать, Луиза де Бельдон. Дети, однако, не должны требовать от Ферри Дюмулена чего-либо сверх сеньории Миньо.

Таким образом, Шарль Дюмулен считает, что рождение «законных и родных» детей (т. е. рожденных в законном браке и не усыновленных) – достаточное основание для отмены своего прежнего дарения. Как показывает опыт работы с нотариальными актами, фраза «*en droict jugement*» указывает на то, что составитель намеревается выйти за рамки обычного права. Вместе с тем остается открыт путь к компромиссу с братом.

Следующий документ от 7 августа 1548 г. повторял основные положения предыдущего и дополнял их. Уточнялось, в частности, что сеньория была передана в виде «простого дарения» (*purement et simplement*), что по смерти отца, оставшись старшим в семье, он выкупил все ренты и выплатил долги, содержал своего брата в Орлеанских школах¹³ в течение трех лет, а затем содержал, кормил и одевал у себя дома. Но Ферри оказался «вопиюще неблагодарен, распускал порочащие ложные слухи о своем брате, возводил на него многие жестокие неправды, повергая его в отчаяние и меланхолию, стремился от-

¹¹ AN. Y 95. F. 158–161 (соответствует № 3269–3270 Инвентаря регистров). В Центральном хранилище нотариальных актов (Minutier central) сохранилась минута (т. е. контрольный текст акта, остающийся у нотариуса) только для первого документа AN. MC. VIII/75.

¹² Два фьефа Левек и Гиенкур покойный экойе Гильом Дюмулен предназначил для того, чтобы выдать замуж Жанну Дюмулен, самую старшую из его племянниц. Но та позже решила уйти в монастырь Мобьюссон, и тогда покойный дядя передал эти фьефы Шарлю Дюмулену.

¹³ То есть – в Орлеанском университете. В Париже в силу исторических причин не было факультета римского права, поэтому подавляющее число будущих парижских юристов доучивалось в Орлеане, получая там степень лиценциата, или доктора римского права. Этот титул в XVI столетии был уже абсолютно необходим для того, чтобы стать адвокатом. Затем в течение двух-трех лет новички оставались в Парламенте на положении стажеров, не вели дел, но ежедневно по утрам присутствовали на процессах, а после обеда слушали наставления более опытных коллег.

вратить от него друзей и под ложным предлогом изъял у него документы (*lettres et tiltres*)» на владение землей и продал имущество, резервированное для приданого сестре, отрицая все имевшиеся ранее договоренности. Более того, он сам возбудил против Шарля встречный иск во время судебных заседаний 2 мая и 3 августа 1548 г. Поэтому Шарль составил новый акт, настаивая на отмене дарения «по причине неблагодарности», и потребовал вернуть уже не только земли, но также и средства, израсходованные на обучение неблагодарного брата и введение его в должность¹⁴.

Шарль Дюмулен, таким образом, значительно изменил свою тактику – с прав законных детей, внимание переносится на неблагоприятные деяния мэтра Ферри, отнесенные добродетелями Шарля. Что же произошло между этими двумя датами?

Итак, к 1547 г. у Шарля уже родилось трое детей, к тому же потребовались деньги для устройства будущего его сестры, Жанны-младшей. По словам самого Шарля Дюмулена, в том же году он сумел выделить ей в приданое 1400 ливров и обеспечить двум другим своим сестрам-монахиням по 25 ливров ежегодного пенсионера¹⁵.

Видимо, составляя свой первый акт 29 июня 1547 г., Шарль еще не потерял надежду получить от брата фьефы, которые должны отойти в приданое сестре, равно как и родовое гнездо – сеньорию Миньо. Составив документ, Дюмулен отправляет его в королевскую Канцелярию и 7 декабря 1547 г. получает высочайшее соизволение отменить дарение¹⁶. Однако письма, выданные в Канцелярии (будь то легитимизация детей, натурализация иностранцев, помилование или отмена сделанных прежде дарений), обретали законную силу лишь после того, как они регистрировались Парламентом, проверявшим соответствие королевской милости духу и букве закона. Эта процедура во французском праве называлась *entérinement*. Вот на этом этапе Шарля Дюмулена ждал неприятный сюрприз. Ведь документов на владение искомой сеньорией Миньо он предъявить не смог – хитроумный Ферри заранее отобрал у их у него «под ложным предлогом»¹⁷. Это было первое важное упущение. Кроме того, если мы сопоставим дату составления акта с датой его регистрации в Шатле (7 января 1550 г.), то обнаружим грубое нарушение предписаний ордонанса Виллер-Коттре, требовавшего произвести это в четырехмесячный срок. Следовательно, к моменту рассмотрения дела в Парламенте отмена дарения формально оставалась незаконной.

Но ахиллесовой пятой акта Дюмулена оказалось другое обстоятельство. Составляя свой первый акт, он явно намеревался прибегнуть к закону *si unquam*, восходящему к императору Константину. Согласно ему, дарения подлежали отмене в случае рождения родных и законных детей¹⁸ (потому-то акт Шарля содержит эту формулировку, обычно не употреблявшуюся в других документах, зарегистрированных в Шатле). Но Дюмулен не упомянул, что в 1535 г. то же самое дарение сеньории Миньо было подтверждено им по случаю свадьбы своего брата Ферри. А это уже в кор-

¹⁴ Следует отметить, что в регистрах Шатле акты были записаны в обратной хронологической последовательности. Это породило заблуждения у многих, кто писал об этой истории. В частности, у такого знаменитого историка права, как Франсуа Оливье-Мартен (*Olivier-Martin F. Histoire de la coutume de la Prevoté et vicomté de Paris. P., 1966 (reprint). T. II. P. 490*).

¹⁵ Brodeau L. Op. cit. P. 23.

¹⁶ К сожалению, соответствующая серия регистров Канцелярии содержит немало лакун и том, относящийся к 1547 г. (AN., JJ // 2577C), доходит лишь до ноября. Однако я почти уверен, что в основе текста письма, выданного канцелярией, лежал акт отмены дарения от 19 июня 1547 г.

¹⁷ Как следует уже из второго акта, Ферри «изъял у него документы, дав ему понять, что всего лишь хочет представить неким нотариусам [как доказательство того, что] он не является мошенником, и что он их ему вернет незамедлительно. Однако этого не сделал, но, напротив, стал отрицать, что их когда-либо видел, продал то, что было зарезервировано, чтобы выдать замуж их сестру, и долго вводил указанного заявителя в заблуждение...»

¹⁸ Следует отметить, что закон Константина говорил лишь о возможности отмены дарений, адресованных вольноотпущенникам. Именно в этом случае щедрость дарителя не должна была идти во вред его потомству. Однако в ходе рецепции римского права эта оговорка игнорировалась большинством юристов XV–XVI вв.

не меняло дело. Имущество, переданное в связи с заключением брака, пользовалось особой защитой кутюмного права, и кому как не Дюмулену – лучшему толкователю кутюмов – было это знать.

Вот мнение об этом деле еще одного младшего современника Дюмулена и признанного авторитета в вопросах судебной практики – Жана Папона. «Адвокат Парламента, превосходящий всех своими знаниями, передал все свое имущество своему брату по брачному контракту... затем поменял мнение и раскаялся в свершении дарственной. Он стал искать возможности отменить акт. Ему посоветовали жениться, что он и сделал, заведя детей. Его вышеназванный брат выдвинул в противовес весьма важные причины, указав, что вышеназванный Дюмулен объявил во всеуслышание о своем желании даровать все свое имущество брату, дабы достойно его женить... И что, веря этим словам, он нашел женщину¹⁹, на которой и женился, и без данного обещания свадьба никогда бы не состоялась, и что исходя из этой щедрости, он выделил солидный дуэр²⁰ своей супруге. И что отмена дарения была бы обманом и непростительным мошенничеством, свершенным по отношению к браку, являющемуся делом чести, таинством и божественным установлением»²¹.

Даже если не принимать во внимание, что в законе *si unquam* речь шла о вольноотпущенниках, все равно его действие в данном случае весьма спорно. В нем говорилось об отмене только «простых дарений» (*pures et simples* – вспомним уточнение Дюмулена во втором акте), а вовсе не тех, что были сделаны в вознаграждение за заслуги либо с целью отметить какое-нибудь событие. По всей видимости, сопротивление Ферри было хорошо продумано. Он вчинил встречный иск по поводу растраты материнского наследства Шарлем Дюмуленом, потребовал отчета об опеке за период своего несовершеннолетия, отрицал наличие каких-либо устных договоренностей. Помимо самого мэтра Ферри против отмены дарения выступил с иском и влиятельный советник Парламента Николая Юро. После смерти Маргариты Майяр, жены Ферри, он был назначен опекуном их несовершеннолетних детей и защищал в суде их интересы – поскольку сеньория Миньо как дуэр покойной матери принадлежала именно детям.

Папон отмечает всю деликатность проблемы отмены дарения, но в целом согласен с аргументацией Ферри – согласно парижской практике, дарения, сделанные по случаю женитьбы (*par la vraye cause de nocces*), сообразно приданому жены, не отменяются даже после появления детей у дарителя, тем более если собственность эта находится под ипотекой и без нее имущества мужа не хватит на обеспечение дуэра, соответствующего приданому²².

Сам же Дюмулен включился в борьбу за отмену дарения в свойственной ему манере. Он написал два трактата о дарениях, сделанных в виде брачного контракта и в виде за-

¹⁹ Это была Маргарита Майяр, дочь лейтенанта Шатле по уголовным делам.

²⁰ Напомню, что дуэр – «вдовья доля» (*douaire prefix*) – это та часть семейного имущества, которую в случае смерти мужа получала его вдова. Дуэр мог определяться кутюмами или же оговариваться в брачном контракте. Как правило, он находился в определенном соотношении с приданым. Если жена умерла первой, то права на дуэр переходили ее детям, независимо от иных форм наследования. Даже если их отец женился вторично и у него родились новые дети, дуэр оставался неприкасаемой собственностью детей от первого брака.

²¹ *Rapon J. Instrument de premier notaire. Lyon, 1575. P. 355–358.* Надо отметить, что труды Папона были весьма популярны у юристов «среднего звена», «практиков». Однако французская «Всемирная биография», изданная в середине XIX., отрицала какую-либо значимость его трудов, тогда как статья о Дюмулене выдержана в том же издании в самых возвышенных тонах, в том числе и рассказ о его тяжбе с неблагодарным братом.

²² *Et a la seule contemplation et faveur de mariage de ses biens qui ont esté affecté a la dot de la femme: telle donation apres la venue des enfans au donateur ne sera revoqué, sinon de droit mais non pas effectivement iusques apres le mariage solu; et encores pres la solution d'iceluy a la charge de l'hypoteque et surté de la dot, si les biens du mari ne suffisent (Ibid.).*

вещания (*De donationibus factis vel confirmatis in contractu matrimonii* и *De inofficiosis testamentis donationibus et dotibus*), опубликованных в 1550 г.²³ В § 64 своего первого трактата Дюмулен настаивал, что рождение наследников у дарителя служит достаточным аргументом для отмены сделанного ранее дарения, даже если оно связано с брачным контрактом.

Тем не менее после ряда судебных заседаний весны – лета 1548 г. Шарль решает изменить свою тактику. Не отказываясь от апелляции к закону *si unquam*, он обращается к более эффективному и более эффектному закону Юстиниана (*L. 10. Cod. de revocandis donationibus. Inst. de donat. § 2*), согласно которому дарения могут отменяться в том случае, если одариваемый проявляет неблагодарность: угрожает жизни дарителя, порочит его честь или отказывается выполнить записанные или устные обязательства, взятые на себя при получении дара. Все эти признаки неблагодарности были подчеркнуты во втором акте Дюмулена (7 августа 1548 г.), даже угроза для жизни и здоровья – ведь происки неблагодарного Ферри вызвали у автора «отчаяние и меланхолию». Причем данные условия отмены дарения не противоречили Парижской кутюме и полностью были туда включены²⁴.

Дело, однако, растянулось на годы. Встречные иски сторон следовали друг за другом, специальные заседания рассматривали апелляции, все это стоило больших денег. Генеральный прокурор (31 декабря 1549 г.) попытался предложить «нулевой вариант», т. е. решить существо дела без дознания по поводу дополнительных взаимных исков сторон. Но и после этого стороны не успокоились. Ферри делал теперь упор на том, что он принес оммаж за фьеф Миньо на правах наследника своего отца. Шарль наконец сподобился зарегистрировать свои акты в Шатле – словом, разбирательство было далеко от завершения. В этом не было ничего удивительного – тяжбы в Парламенте могли идти десятилетиями и судебные издержки сплошь и рядом поглощали большую часть стоимости оспариваемого имущества.

И все же процесс этот был необычным. Шарль Дюмулен сумел сделать его максимально публичным, еще до вынесения приговора придав своему делу характер юридического казуса. Помимо аргументов, основанных на римском праве, подчеркивающих максимальную свободу субъекта, приоритет его волеизъявления или намерений, публике предлагалось оценить дело с позиций морали, учесть неблагодарность Ферри, оттененную высокими достоинствами и общественными заслугами Шарля. Именно тогда, на рубеже 40-х и 50-х гг., выходят первые издания его трактатов о дарениях: комментарии к «Советам Александра», и иные труды, где он в предисловии или в основном тексте делал достоянием гласности свою семейную коллизию.

Все это не могло косвенно не воздействовать на Парламент. Были у Дюмулена недруги и завистники, но мнение покровителей перевешивало. Его авторитет правоведа был как никогда высок. И как никогда силен был королевский фавор. Обратим внимание на текст привилегии, выданной Дюмулену для издания его новых сочинений 1 февраля 1552 г. В середине века текст издательских привилегий еще не устоялся и форма их могла быть вполне произвольной. Но документ, выданный Дюмулену, выделяется даже на этом пестром фоне. Я почти уверен, что «заготовку» для этого текста писал сам адвокат, уж больно походит он на все сочинения и акты этого юриста, держа пространное пере-

²³ Два других труда родились в результате его затянувшейся тяжбы по этому поводу: Комментарии к регистрам Канцелярии и «Стиль Парижского парламента» (*Commentaire sur les registres de Chancellerie et Stylus Curiae Parlamenti*).

²⁴ *La coutume de la prevosté et vicomté de Paris. Redigée dans l'ordre naturel par P. Le Maistre. P., 1700. P. 360.* Там, кстати, приводится особое мнение Дюмулена о том, что если подаренное имущество уже продано, то в случае отмены дарения его стоимость надлежит вернуть дарителю.

числение всех его заслуг²⁵. Но помимо его комментариев к некоторым провинциальным кутюмам, двух трактатов о дарениях и о стиле Парламента там указаны его сочинения о правах французской короны и «Комментарии к эдикту о малых датах». Взвзвисься за работу над этими сюжетами, Дюмулен оказался втянут в большую политическую игру. Папа Юлий III проводил враждебную французам политику в Италии. Генрих II ужесточил свою позицию в отношении занятия вакантных церковных бенефиций и отправки аннагов в Рим. Дюмулен взялся защищать права французской короны от «узурпации» со стороны папы. Его опубликованные комментарии к королевскому указу, и особенно текст посвящения королю, написанный в отличие от основного труда по-французски и предназначенный широкой публике, оказали огромное воздействие. Автор вполне определенно призывает возродить старое, с каролингских времен идущее верховенство короля в делах церковных и дать отпор притязаниям папства. Папе и его сторонникам было продемонстрировано, что в случае необходимости Генрих II может последовать английскому примеру и установить королевскую супрематию над церковью. Юлий III пошел на уступки. Вскоре коннетабль Монморанси даст высшую оценку деятельности Дюмулена: «Сир, Ваше Величество не смогло с тридцатью тысячами человек принудить папу Юлия III к миру: сей человек сделал это при помощи вот этой маленькой книжечки»²⁶. С точки зрения историков права взлет карьеры Дюмулена, конечно, не может служить аргументом в решении юридического спора. Однако примечательно, что эти эпизоды биографии, равно как и морализирующие сентенции, приводимые в нотариальных актах, старательно воспроизводятся самим Дюмуленом в его трактате об отмене дарений²⁷.

Сыграло ли свою роль покровительство сильных мира сего или же дело само собой подошло к некоему логическому завершению, но заключительное постановление Парламента (*arrest*) было вынесено 12 апреля 1552 г. Причем это было не простое постановление, но *assistente purpurato Senatu pronunciatum* – «постановление, произнесенное в пурпурных мантиях», что происходило, видимо, лишь в особо торжественных случаях. Сам Дюмулен²⁸ и его биографы делают на этом особый упор. 12 апреля было последним днем года (по старому стилю), дел накопилось очень много – выписки постановлений занимают в Регистре Парламента целых восемнадцать пергаментных листов, исписанных уборым почерком. В виде исключения к делам, рассмотренным в этот день, был приложен специальный указатель, в котором поминалась тяжба братьев Дюмуленов. Но тем не менее в самих регистрах это дело отсутствует. Возможно, постановления, «произнесенные в пурпурных мантиях», фиксировались в каком-то отдельном регистре. Впрочем, текст этого постановления полностью вошел в сборник Барнабе Ле Веста²⁹. Оттуда мы и почерпнули сведения о ходе судебного разбирательства.

В соответствии с законом «*si unquam sive de revoc. donat.*» мэтр Ферри приговаривался оставить спорное имущество в пользовании истца и возместить те доходы, какие были извлечены с этих земель с момента составления акта об отмене дарения (т. е. с 1547 г.).

²⁵ Contenant que des et depuis 30 ans, qu'il a exercé l'estat d'avocat en ladite cour, il est applique à conférer la pratique avec la theorique et pour le bonne et affectionné desir qu'il a eu, et a au bien public, avancement et promotion des lettres et abbreviation de la science des droictz et pratique ... Текст привилегии воспроизводился Дюмуленом во многих изданиях. Я цитирую его по : *Traicté de l'origine, progres et excelence du Royaume des François...* Lyon, 1561.

²⁶ *Cormier T. Rerum gestarum Henrici II regis Galliae libri quinque.* P., 1667. P. 74.

²⁷ См. доп. ко второму изд. трактатов: *Tractatus duo analytici...* § 86–87.

²⁸ *De donationibus...* § 85.

²⁹ *Barnabe Le Vest. Arrests célèbres et mémorables du Parlement de Paris.* P., 1612. XLIX P. 234–238. Позже это постановление упоминалось многими «арестографами» (т. е. юристами, специализировавшимися на изучении судебных решений *arrests* парламента или короля). См., например: *Papon J. Recueil d'arrests notables des cours souveraines de France, ordonnez par tiltres en 24 livres...* P., 1565. P. 231; *Louët G. Recueil d'aucuns notables arrests donnez en la cour de Parlement de Paris.* P., 1633. P. 270–272; *Barillon P.-J. Dictionnaire des arrêts ou jurisprudences universelle.* Paris, 1727. P. 806.

Казалось, Дюмулен одержал блестящую победу. Но сам он оставался недоволен – не удался план отмены дарения «по причине неблагодарности». Его биограф рассказывает, что «он много жаловался по поводу неблагодарности и угроз со стороны своего брата и по поводу его уловок, коими он отнял у него три или четыре года времени, свершив нечто вроде кражи общественного достояния, ибо тем самым помешал ему работать над сочинением книг»³⁰: Судьи парламента предпочли следовать решению, принятому в декабре 1549 г., т. е. вынести решение по существу дела, невзирая на позднейшие встречные иски сторон. Мотив неблагодарности, как мы помним, зазвучал у Дюмулена значительно позже начала процесса.

Но главное заключалось в том, что победа была не полной. Земли сеньории Миньо хоть и передавались Шарлю, но оставались «под дополнительной ипотекой в том случае, если имущества мэтра Ферри не будет сочтено достаточным для покрытия оговоренного ранее дуэра... чтобы рассчитаться с детьми указанного мэтра Ферри»³¹. Помимо личных интересов, Дюмулена как поборника норм римского права не могла устроить такая двойственность в определении характера собственности. Об этом он и напоминал в переизданиях своих трактатов о дарениях.

Весна 1552 г. была апогеем его карьеры. Дальше на него обрушились несчастья одно за другим. Его стремление идти во всех вопросах до конца, до поры столь благодатное для интеллектуального поиска, при соприкосновении с политикой обернулось драмой. После заключения мира с Юлием III обличительный пыл Дюмулена был уже неуместен. Он же продолжал развивать свои тезисы, увлекшись первыми успехами на новом для себя поприще. И здесь ему пришлось испытать на себе всю мощь «консервативной партии»³² – теологов университета и их парламентских единомышленников, стойких борцов за сохранение католической веры. Особые нарекания вызвал текст французского посвящения к «Комментариям к эдикту о малых датах» (соперничать в ученой аргументации с Дюмуленом было трудно даже заправским канонистам). Добиться осуждения Дюмулена его противникам не удалось – дело было передано в Королевский Совет, затем отложено до возвращения короля во Францию. Однако проповедники, по словам Дюмулена, возбудили против него чернь, вынудив его переехать к ландграфу Гессенскому. Дальнейшие скитания по Германии и Швейцарии были полны многообещающих успехов и горьких разочарований. Добившись в 1557 г. своего восстановления в звании адвоката Парламента, с началом Религиозных войн он попеременно подвергается гонениям то со стороны католиков, то со стороны кальвинистов. До самой смерти Дюмулена в 1566 г. и те и другие весьма болезненно воспринимали его стремление указывать им на несообразности в их доктринах и в практике.

Возвращаясь к «казусу Дюмулена», отметим, что история сеньории Миньо не закончилась с памятным постановлением Парламента. Нотариальные минуты содержат еще несколько посвященных ей актов. Уже 24 июля 1552 г. жена Шарля Дюмулена заключила (от имени детей – новых владельцев сеньории) новый договор с фермером, подтвердив те же условия, что были в период хозяйничанья Ферри³³.

Однако 1 октября 1564 г. Шарль Дюмулен объявил в нотариальной конторе, что начиная примерно с 1548 г. он обрел эти земли, но, опасаясь предпринимаемых против него интриг и покушений, а также чтобы избежать преследований, обрушившихся на него

³⁰ Brodeau L. Op. cit. P. 62. Бродо работал над биографией Дюмулена в начале XVII в., приобрел его личные бумаги и книги с пометами у его зятя.

³¹ A la charge de l'hypothèque du douaire prefix et constitué par led. maistre Ferry par le traité de mariage... par laquelle hypothèque lesdits biens donné demeurent chargé et hypothéquez subsidiairement du cas que les biens dudict m. Ferry ne seroient trouvez suffisans par icelluy doüaire... pour l'acquiter envers les enfans dudict m. Ferry.

³² Термин Дж. Фэрджа: Farge J.K. Le parti conservateur au XVIe siècle Université et Parlement de Paris a l'époque de la Renaissance et de la Réforme. P., 1992.

³³ AN. MC. CX / 5.

вскорости и принудивших его бежать в Германию, он подарил своим вышеназванным детям земли и сеньорию Миньо. Но при этом он заявляет, что, если бы не означенные преследования и не стремление их избежать, он ни за что не хотел бы, чтобы это дарение имело место. На этом основании предыдущий акт дарения сеньории Миньо детям отменяется³⁴.

И снова изначальные намерения субъекта для романиста Дюмулена остаются главным и самодостаточным аргументом. Дети его (в отличие от брата) в суд не подали, они все равно были наследниками. А после его смерти в живых осталась лишь его дочь Анна, вышедшая замуж за Симона Бобе, большого почитателя трудов Дюмулена, занявшегося подготовкой посмертного собрания сочинений своего тестя.

Но наследники Дюмулена, увы, недолго пользовались доходами с сеньории Миньо – весной 1572 г., пока Симон Бобе отсутствовал, неизвестные злоумышленники напали на его дом в Париже, убили прислугу и Анну Дюмулен с детьми, не пощадив даже новорожденного младенца, похитили ценности и документы, в том числе бумаги на владение сеньорией Миньо. Это убийство получило широкий резонанс, и дело безутешного Симона Бобе взялся вести модный адвокат Барнабе Бриссон³⁵. По его ходатайству были арестованы дети покойного мэтра Ферри Дюмулена. Они неоднократно говорили, что сеньория Миньо принадлежит им и что они рано или поздно вступят во владение своими незаконно отнятыми землями. Зачем злоумышленники похитили документы на владение? Уничтожение взрослых можно объяснить нежеланием оставлять свидетелей, но было ли убийство невинного младенца просто бессмысленной жестокостью в духе времени или же – стремлением уничтожить всех возможных наследников? Парламент назначил большую сумму денег в награду за разоблачение убийц, тщательно допрашивали всех обитателей тюрем, но это не принесло результатов. Через год (уже после Варфоломеевской ночи) обвиняемые были выпущены на свободу. А сеньорию Миньо Парламент конфисковал в возмещение судебных издержек.

Юридический казус оказывается сродни «нормальному исключению», о котором говорил Эдоардо Гренди³⁶. Неординарность и самого Дюмулена, и ситуации, в которой он оказался, и избранной им аргументации была очевидна уже для современников. Но исключительный случай, казус – особое увеличительное стекло, которое выявляет черты, обычно сокрытые, дает информацию о нормах, существующих в обществе, проверяя эти нормы «на разрыв», проводя своеобразный эксперимент в жестких условиях.

Дюмулен, как мы помним, ставил целью своей жизни «*систематическое перетолковывание кутюмов с позиций римского права*». Ему удалось добиться в этом больших успехов, но возможности такого сближения были безграничны. Так, частичной неудачей закончилась его попытка отождествления французской конституированной ренты с римской генеральной ипотекой³⁷. В рассмотренном нами случае судьба сеньории Миньо «проваливалась» в зазор между римской концепцией всевластия собственника и требованиями кутюмов. И в столь трагическом финале трудно не усмотреть символического значения. Здесь, как и везде, Дюмулен слишком хорошо обосновывал свою позицию рационально. Но она оставалась преждевременной, не вполне адаптированной к конкретно-историческим условиям. Не потому ли юристы Старого Порядка неизменно высоко оценивали труды Дюмулена, но хранили в своих кабинетах и переводили на французский язык труды других, более посредственных авторов?

³⁴ AN. MC. XVII / 126.

³⁵ Он прославится своим сводом законов Генриха III – не менее величественной задачей, чем свод кутюмов Дюмулена. Став президентом Парламента, он останется в период Лиги в Париже и будет казнен за свои роялистские симпатии и недостаточное рвение в защите веры. См.: Barnavi E., Descimon R. La Sainte Ligue, le juge et la potence. P., 1985.

³⁶ Grendi E. Micro-analisi e storia sociale // Quaderni storici. 1977. 35. P. 506–520.

³⁷ Червоная Т.М. Указ. соч. С. 80.

UVAROV P. JU.

IL CASO DI DU MOULIN

(RIASSUNTO)

Charles Du Moulin era considerato uno dei migliori giureconsulti della Francia del XVI secolo. Buon conoscitore del diritto romano, cercò di usarlo al massimo commentando i *coutumes*. Ma fra queste due fonti di diritto sorgevano inevitabili contraddizioni: diverse erano le condizioni in cui si erano formate, diverso era anche il proprio «spirito» di queste leggi. In una di queste trappole cadde Du Moulin stesso.

Da punto di partenza per la ricerca ci hanno servito due atti di Charles Du Moulin registrati il 7 gennaio 1550 nel Châtelet de Paris (AN. V 95. ff. 158-161) che annullano le donazioni fatte prima. In essi con una dettagliatezza rara per questo tipo di documenti si narrano gli antecedenti degli eventi, con sorprendente sincerità si spiegano i motivi interni che avevano spinto Charles ad annullare la donazione per ragione dell'ingratitude del suo fratello Ferry Du Moulin, avvocato anch'esso del Parlamento.

Per un felice concorso delle circostanze disponiamo di un insieme di dati supplementari che gettano luce su questa storia. Charles Du Moulin aveva una qualità non troppo rara per un umanista e preziosissima per noi. A tutti gli eventi della sua vita privata attribuiva un carattere di atti pubblici di importanza sociale, inoltre sempre che affrontava un problema della vita s'immergeva nelle meditazioni il cui frutto era sempre un profondo trattato scientifico. Siamo riusciti a trovare dati supplementari sulla storia nelle minute notarili di Parigi (Minutier Central) e nei materiali del Parlamento e della cancelleria reale. Tutto ciò ci permette di mettere in luce l'essenza del conflitto che urtò differenti modelli di comportamento e differenti tradizioni giuridiche.

Difendendo i propri diritti egli seguiva il corso del suo metodo giuridico. I principi del diritto romano venivano da lui applicati al diritto dei *coutu-*

mes. Le inevitabili contraddizioni si risolvevano con l'aiuto dell'argomentazione politica e con le appellazioni all'etica dell'umanesimo civile. Le numerose menzioni di questo conflitto nelle dedicatorie e nei prefazi ai trattati giuridici di Du Moulin e perfino due trattati dedicati specialmente al problema dell'annullamento delle donazioni testimoniano che un caso particolare servì da punto di partenza per una curiosissima evoluzione del pensiero giuridico. Ma a sua volta questa attività letteraria ben chiaramente era destinata a influenzare l'«opinione pubblica». E diede i suoi frutti: il 12 aprile 1552 il Parlamento approvò una risoluzione a favore di Charles Du Moulin (in conformità alla legge *si unquam*), e questa risoluzione inoltre diventò un esempio tipico che venne studiato dai giuristi fino alla Rivoluzione. Però la lotta intorno alle terre in questione continuò durante l'emigrazione di Charles Du Moulin così come dopo la sua morte.

Il caso esaminato sottometeva il sistema giuridico di quei tempi alla «prova di rottura». In quale misura il principio del diritto romano sul potere assoluto del soggetto si concorda con le norme dei *coutumes* con la loro stretta regolamentazione del diritto ereditario? In quale misura in generale è possibile la recezione del diritto romano nella società francese del XVI secolo? Ma è vero che anche Du Moulin stesso era un «caso straordinario» con la sua tendenza di assolutizzare tutto, sia i principi dell'etica filosofica, sia le ricerche intellettuali, sia il servizio al bene pubblico. Questo sempre lo metteva nelle situazioni di conflitto e nei pericoli. Ma se il suo comportamento può essere considerato una devianza, non possiamo non riconoscere che si basava su un solido fondamento razionale.